

Павел вошел в комнату девушек и сразу понял, что его узнали. Девушки зашептались и вскоре о том, кто он, знали абсолютно все. Он велел выстроиться по росту и ни малейших возражений не последовало, приказ выполнили абсолютно все. Никому не пришлось повторять дважды, никого не пришлось подгонять — это даже странно. Совершенно необычные ощущения при этом испытываешь и для Павла они были внове. Вот так сидели люди, своими делами занимались, а тут вошел он и всех прервал. И никаких возражений. Наоборот, все слушаются.

Удивляться однако было некогда, нужно было действовать дальше. Аристарх Самойлович рекомендовал не раздевать девушек сразу, сначала нужно было насладиться ими одетыми, чтобы затем можно было оценить разницу. Вообще умно, хотя сам Павел до такого в жизни бы не додумался! Вот что значит советоваться с мудрыми людьми с богатым жизненным опытом! А посему мужчина сначала поздоровался с недавними приятельницами, перекинулся с ними парой слов и только потом велел всем раздеваться для осмотра.

Возражений при этом также не последовало. Не обнаружилось также и недопонимания, что значит «раздеться для осмотра» — вскоре перед группой медиков стояли десять девушек в одних трусиках и ни одна из них не закрывала руками ничего интересного. Красивые юные тела стояли в ряд и рассматривать их можно было бесконечно. Немного расстраивало, что трусики на них были весьма строгого фасона — чертовки видимо знали, что их могут раздеть в любую минуту и заранее подготовились, но в целом это было мелочью. Зато груди имелись любых форм и размеров.

На этом месте полагалось дать подопечным немного осознать их положение и Аристарх Самойлович с Катей занялись подготовкой рабочего места, а Павел перекинулся еще парой слов с приятельницами. Это тоже кстати настраивало на нужный лад. Спрашивается, если у вас еще не все готово, то зачем всех выстраивать в шеренгу и тем более велеть раздеваться? Не лучше ли это сделать чуть позже? А вот фигурки! Сначала постройтесь и разденьтесь, а потом мы все приготовим. И это четко давало понять, кто здесь главный! А главным сегодня был Павел. Ну и его команда.

Подготовкой кстати тоже занимались девушки, медсестра сама не стала убирать вещи со стола, а просто велела это сделать одной из них. А потом они с подругой еще и передвинули этот стол куда Катя велела. Две другие в это время убрали вещи с пола, чтобы по нему можно было спокойно перемещаться. За столом расположились Павел и Аристарх Самойлович, а сама медсестра расположилась сбоку от того же стола. Еще какое-то время ушло на то, чтобы достать и подготовить бумаги. Девочки послушно ждали.

Ну что же, время прелюдий прошло, пора было переходить к действиям. Павел велел представиться и каждая назвала свое имя, фамилию и возраст. Всем по девятнадцать лет. Осмотр был внеплановым, а потому особого внимания ходу выздоровления на нем не придавалось. Павел лишь выяснил, что жалоб, не отмеченных в карточках, ни у кого нет и приступил к продолжению.

Вначале всем пришлось выполнить серию физических упражнений. Мужчина задерживался на особо интересных позах: встать спиной и коснуться руками пола, прыжки на месте [другие] Наконец пришло время для осмотра груди. Честно сказать, уже не терпелось ощупать все это

великолепие. И вопреки ожиданию возражений ни от кого также не последовало. **ВООБЩЕ.** Павел просто сообщил, что сейчас время для осмотра груди и чью фамилию назовут — должна подходить. Видимо процедуру такую девушки проходили не раз, поскольку все не только подходило по первой команде, но и сами, по собственной инициативе закладывали руки за спину, чтобы не мешать осмотру.

Видимо их так учили, а вот для Павла это явилось сюрпризом. Но приятным сюрпризом, безусловно! Разговаривать с подопечными во время осмотра не воспрещалось, но напротив приветствовалось, но особого диалога все равно не получилось. Они просто стояли, закусив губу и что-то мычали под нос. И вроде бы даже кончили, по крайней мере две из них — тут Павел не был полностью уверен. Да, не удивительно, что они все делали столь покорно! И эти сучки еще на что-то жаловались! Да как они вообще смеют на что-то жаловаться?! Мужчина даже щипал их за сосок, причем даже довольно сильно. И что бы вы думали? Продолжали стоять с руками за спиной! И во время процедуры было очень удобно одну руку положить девочке на зад. И даже слегка его поглаживать. Неземное блаженство! Попки были подтянутые и упругие и послушно ожидающие прикосновений. Павел взял себе на осмотр троих знакомых девушек, а остальных они честно разделили с коллегой и в итоге каждому досталось по пять. Вполне нормально, это только кажется что мало и что половину ты пропускаешь, а на самом деле более, чем достаточно, и налпать можно с избытком.

Но, как оказалось, это было еще не все. Аристарх Самойлович сказал, что не все одинаково хорошо вели себя во время осмотра и что Лена сейчас будет наказана. Павел даже представить себе не мог, что же тут могло не понравиться в поведении столь покорных девушек и чем поведение именно Лены отличалось от поведения остальных. Хотя конечно сильно заподозрил, что коллега сделал ему подарок, выбрав его знакомую. И все же было странно и немного дико кого-то наказывать, когда все покорно выполняли что, что от них требовалось и даже больше! Но интересно все же, в чем именно будет заключаться наказание. И только мужчина успел об этом подумать, как Аристарх Самойлович объявил, что это будут пять шлепков по попе от каждого.

Девчонка, надо отдать ей должное, приняла новость стоически. Должно быть это нелегко, стоя навтыжку с голыми сиськами, за которые ее только что лапали, услышать, что сейчас ее будут еще и пороть. Причем пороть будут за то, что она плохо позволяла себя лапать. И это даже при том, что она делала это хорошо. Но она приняла удар достойно. Покорно вышла вперед, извинилась за то, что нарушала дисциплину и мешала ходу осмотра и сказала, что готова к наказанию. Аристарх Самойлович велел подойти и первым делом пощупал за грудь, выполнившую приказ девочку. Ущипнул за сосок, девочка даже вскрикнула. Коллега однако ее не отпустил сразу же, как наверняка сделал бы сам Павел, но напротив сказал о важности порядка вообще и во время осмотра в частности и что ей должно быть больно за то, что она сделала и только потом отпустил сосок. Немного полапала их оба и, сделав пару комментариев о важности дисциплины, велела повернуться для наказания. Процедура поглаживания и пошлепывания повторилась, после чего Аристарх Самойлович разрешил девочке вернуться в строй ее подруг, который стоял до сих пор и, дав несколько напутственных указаний, разрешив всем одеваться.

— Ну что, дорогой коллега, как впечатления? Надеюсь наши воспитанницы вас не разочаровали? — Спросил наставник, когда они покинули комнату девушек.

— Я даже не знал, что такое вообще возможно!

— Возможно, заверяю вас!

— Да, я видел, но как?! Разве они не пойдут никому жаловаться?

— А кому же, простите, они могут пожаловаться?

— То есть как кому? — Павел немного опешил. — Есть тренера, есть министерство спорта, есть множество других людей. Даже если здесь все схвачено, все равно ведь мир большой!

— Вы подняли хороший вопрос, дорогой коллега, мы с вами обязательно его обсудим, но, если позволите, чуть позже. А сейчас мне бы хотелось знать, что вы думаете об увиденном.

— Да, но я действительно думаю именно об этом!

— Павел, я пока могу вас заверить, что держу ситуацию под контролем, позже мы обязательно обсудим подробнее. Но пока расскажите же, что вы все-таки думаете о девушках?

— Они изумительны! И такие послушные! Я и представить себе не мог. Да я даже до сих пор себе не представляю!

— А как вам шлепки в конце? Мне показалось вы не проявили особого интереса?

— Не насмехайтесь. Да, мне тяжело было решиться, думаю вы это видели. Ничего, в следующий раз получится проще.

— Насмехаться? Помилуйте, батенька, и думать не смел! Помилуйте! Не смел и думать! Просто хочу узнать ваше мнение. Но, однако же, почему «получится легче»? Разве вас кто-то заставляет? Если вам не понравилось, то этого можно и не делать, знаете ли.

— Прошу прощения, я неверно выразился. Мне... мне тяжело в этом признаться, тем более и Катя нас слушает, но да, понравилось, безумно! Однако решиться бить сильно все же было невероятно трудно.

— А почему, простите, вас смущает, что Катя нас слушает? Разве вы не видели, что и она была девочку? Вы думаете она вас осудит за такое признание?

— Да нет, вот так как раз я не думаю. Я же видел, что вот как раз она была с удовольствием! — Павел посмотрел на спутницу.

— Осуждаете, Павел Борисович?

— Да нет, что ты. Тем более я и сам признался. Но скажите же мне, за что мы ее били? Я вот так и не понял, когда она успела провиниться?

— О, все просто, дорогой коллега. Я ввел правило, по которому по окончании осмотра одна из девушек, которая доставляла наибольшее количество проблем, подвергается наказанию. После этого у них появляется стимул стараться. Поверьте мне, иначе никто ничего делать не будет и придется заставлять каждую выполнять каждое распоряжение. Но если они знают, что одна из них будет наказана — они начинают стараться. Поверьте, это совершенно необходимо, чтобы добиться от них чего бы то ни было.

— Да, но я не заметил, чтобы Лена чего-то не сделала или сделала хуже остальных.

— О, все просто! В подобных случаях я просто выбираю ту, что мне больше нравится. Однако на сей раз я поступил иначе и выбрал ту, что нравится вам. Скажите, я ведь угадал? Ужасно хотелось сделать вам приятное!

— Пожалуй да, пожалуй угадали. Хоть и жалко ее было, все же мы успели с ней немного познакомиться.

— Помилуйте, но почему же вы меня не остановили?! — Аристарх Самойлович выразил неподдельное изумление. — Мы ведь могли обойтись и без наказания. Я так поступаю иногда, но правда редко.

— Нет мне... Я не знаю, зачем вы вынуждаете меня говорить такие вещи, но мне безумно

хотелось ее шлепнуть, хоть и жалко было. Катя, а тебе? Я хоть и видел, но предпочел бы услышать от тебя.

— Очень, — девушка хитро прищурилась. — Обожаю наказывать этих малолетних сучек! И совсем мне ее жалко не было. Пусть привыкает к дисциплине! Чем чаще и сильнее пороть — тем лучше они слушаются. Павел Борисович, или мне нельзя так говорить про вашу знакомую? — Катя снова лукаво усмехнулась.

— Да нет, почему же... наверное можно. Вот не привык я такие вещи обсуждать столь откровенно. Вот послушайте, может мы все же зря это делаем? Может хотя бы не так?

— Боюсь, дорогой коллега, что у вас нет выбора. Все, что вы можете — это отказаться участвовать в подобном сами, тогда мы будем делать это без вас. Я мне будет жаль уезжать отсюда, так и не найдя достойного преемника. Но это все, что вы можете. Девушек будут наказывать и дальше, это от вас не зависит.

— Говорю же, нет! Я иногда сам себя ненавижу, вот никогда со мной такого не было, а здесь вдруг появилось. Но как бы я там себя не ненавидел, но ни за что не соглашусь отсюда уехать.

— Дорогой друг, я надеюсь вы позволите так себя называть. Дорогой друг, я рад и огорчен одновременно. Я рад, что вы остались довольны, но я безмерно опечален, что вы смогли разыскать в случившемся нечто дурное. Разве зад этой девочки был недостаточно упругий, разве шлепок по нему выходил недостаточно звонко, разве считала она недостаточно покорно и разве ее голос дрожал недостаточно беззащитно? И если все это действительно было именно так, то что же дурного мы можем усмотреть в случившемся?

— Но девочка! Ведь ей-то было плохо!

— Не преувеличивайте. Ее всего-то нужно приучить к дисциплине, а потом вы меня еще поблагодарите. Да-да, не сомневайтесь! В конце концов ее никто не связывал и насильно с нее никто ничего не стаскивал. Но напротив, я видел, что все они разделись добровольно! И свой юный зад она тоже сама выпятила!

— Ах, не знаю, вы меня совсем с ума свели! Но зачем она это делала? Я еще могу понять, зачем они все разделись до трусов, это еще можно как-то понять и как-то объяснить! Но объясните же мне, ради всего святого, зачем они делали все остальное?!!

— В обучении рабынь, мы их так между собой называем и, с вашего позволения я буду далее использовать именно этот термин, так вот в обучении рабынь крайне важна постепенность, Павел. Никто им не говорит, когда они сюда приезжают, что тут их собираются бить по голой заднице, всем на потеху. Нет, вначале их учат всего-то раздеваться перед врачебной комиссией и предлагать свою грудь для осмотра. Все довольно невинно, знаете. Потом появляются какие-то наказания, но более простые. И так постепенно, шаг за шагом, получается то, что вы видели.

— Хорошо, предположим. Если они это делают добровольно — полагаю это снимает с меня ответственность. Но что мы, каждый день так к кому-то ходить будем?

— А почему бы и нет? Все зависит от наличия времени, зачастую мы завалены работой и посещать рабынь удастся не всегда, но в другое время никто не мешает вам делать это хоть каждый день. Даже рекомендуется делать это как можно чаще, чтобы держать их в узде и приучать к повиновению. Разве вы не рады, дорогой коллега?

— Послушайте, я даже не знаю, теперь, когда вы мне все объяснили, да еще столь обстоятельно... Я уверен, что у меня не возникнет проблем в следующий раз, чтобы кого-то пороть. И пожалуй даже угрызений совести.

— Чудесно, значит вы не откажетесь посетить еще одну группу рабынь?

— Что, сегодня, вы шутите?!!

— Ничуть, вам никто не запрещает делать это хоть два, хоть три раза в день. И напротив, даже стоит делать это, как можно чаще. Коллега, я вам рассказывал, вы меня что, не слушали? — Аристарх Самойлович сделал вид, что обиделся невнимательностью собеседника.

— Послушайте, я... я даже не знаю... Впрочем знаете что, да, я пойду. Да, я пойду с вами еще раз.

— Вот и отлично, но скажите, вы готовы идти к новеньким рабыням? Мы сейчас были в старшей группе, и хорошо конечно приходиться на все готовое, но кому-то приходилось их учить, чтобы вы сейчас насладились. Будет справедливо, если сейчас этим займетесь вы, дорогой коллега, вы так не считаете?

— Считаю, Аристарх Самойлович, считаю. И даже, по правде сказать, напротив, предпочитаю идти именно к ним.

— Павел, вы меня обрадовали несказанно! Да-да, не удивляйтесь. К нам, знаете ли, приходят работать разные люди и многие хотят только получать, но далеко не все хотят делать. Далеко не все! Я рад, что вы не из таких.

— Боюсь, вы меня не поняли, Аристарх Самойлович. Да, я не из таких, и я безусловно понимаю, что ни одна в мире работа сама себя не выполнит. Даже такая необычная работа. И я безусловно готов ее делать. Но только в данном случае я действительно хочу посмотреть на новичков. Я уже несколько раз здесь с ними сплеховал и мне хотелось бы исправиться.

— Что вы говорите! Если все действительно обстоит именно так, то у меня для вас, дорогой друг, есть целых две, нет даже целых три хороших новости. Во-первых вы сейчас действительно идете к новичкам, во-вторых именно к тем, на ком вы сплеховали, как вы выразились. Помните свой первый день работы и тех двенадцать футболисток? Мне вот особенно Ефремова вспоминается, ох и скандал же она закатила! Коллега, вы тогда еще отпустили ее без наказания, вы вспоминаете? Коллега, это надо будет исправлять!

— Как не помнить, вроде и недавно совсем было, а вместе с тем и как давно! Я тогда был совсем другим человеком. Я вас заверяю, что подобных проблем больше не возникнет.

— Ну что же, Павел, поверю, поверю вам на слово. Но помните, я вам доверился!

— Не подведу! Но, однако же, скажите мне, что в третьих?

— А в третьих вы идете без меня. Но Катя и Сергей, вы с ним сейчас познакомитесь, составят вам компанию. Так что вам представится возможность исправить допущенные ошибки самолично.